

development of the problems of emotions and motivations, as well as pathopsychology. As a result Russian psychology created a speculative image of man deriving from the overly optimistic conviction in the plasticity of human nature, finding the possibility for full development in the conditions of the socialist system. Marxist philosophy and the physiological direction of research had, undoubtedly, destructive influence upon the formation of links between Russian psychology and non-experimental methods. The psychotherapeutic revolution did not take place in Russia and, contrary to the views of the apologists of Russian science, a psychological synthesis was not created. And it was impossible 'for in conditions of isolation from non-Marxist currents in psychology' the language necessary for the realization of this synthesis could not be formulated.

It follows to note, however, that the sources of Russian psychology, contrary to the ideological declarations, are fairly similar to those of the West (the strong influence of physiology, Bekhterev's behaviourist programme, objective methodology). At the same time the huge intellectual potential of Russian psychologists has meant that their output is of a high quality.

P. Sz./B. Z. (G. T.)

Language and Thought of the Child" and „Judgement and Reasoning in the Child”, // *Vygotsky L. S. Thought and Language*, Cambridge, Mass. 1962.

Ponizio A., *Leggendo insieme Vygotskij e Bachtin*, „Scienze umane” 1979, № 1.

Reich W., *Dialektischer Materialismus und Psychoanalyse*, Kopenhagen 1943.

Rice I. *Freud's Russia: National Identity in the Evolution of Psychoanalysis*, New Brunswick 1993.

Rigotti E., *Il problema della filosofia della lingua in L. S. Vygotskij ed altri autori sovietici*, „Rivista di filosofia neoscolastica” 1969, № 1.

Vygotski and Education. Instructional Implications and Applications of Socio-historical Psychology, New York 1990.

Valsiner J., Veer van der R., *Lev Vygotsky and Pierre Janet*, „Developmental Review” 1988, vol. 8; *On the Social Nature of Human Cognition: An Analysis of the Shared Intellectual Roots of G. H. Mead and L. Vygotsky*, „Journal for the Theory of Social Behavior” 1988, vol. 18.

Wertsch J. V. [ed.], *Culture, Communication and Cognition. Vygotskian Perspectives*, Cambridge, Mass. 1985.

P. Sz./B. Z./B. Sz.

Drunkness

Drunkness in Russian culture is connected with the search for suffering ('I seek suffering, and not joy' – Marmeladov in Dostoevskii's *Crime and Punishment*; → Ф. Достоевский). The drunkard, like the fool in Christ (→ юродство), generates compassion and not condemnation. The Russian mentality is characterized in its view of drunkness as a condition for spiritual ascent and the resolution of existential problems. 'And here the vodka comes to an end. And its imperative, and

Пьянство

Алешковский Ю., *Маскировка. История одной болезни* (1991).

Бородин Д., *Кабак и его прошлое*, // *История винопития. Бахус*, С.-Петербург 1994.

Васюшкин А., *Петушки как Второй Рим?*, „Звезда” 1995, № 12.

Гейсер-Шнитман С., *Венедикт Ерофеев. „Москва-Петушки”, или „The Rest is Silence”*, „Slavica Helvetica” [Bern] 1989, Bd. 30.

также патопсихологии. В результате русская психология создала умоузырительный образ человека, исходящий из слишком оптимистического убеждения в пластичности человеческой природы, находящей возможности полного развития в условиях социалистического строя. Марксистская философия и физиологическое направление исследований имели, несомненно, деструктивное влияние на формирование связи между русской психологией и неэкспериментальными методами. В России психотерапевтическая революция не состоялась и, вопреки мнению апологетов русской науки, не был создан психологический синтез. Да он и не был возможен, поскольку в условиях изоляции от немарксистских направлений в психологии не сформировался язык, необходимый для осуществления такого синтеза.

Однако следует помнить и о том, что источники русской психологии, вопреки идейным декларациям, достаточно схожи с западными (сильное влияние физиологии, бихевиористская программа Бехтерева, объективная методология). К тому же огромный интеллектуальный потенциал русских психологов позволяет высоко оценить их научное наследие.

P. Sz./B. Z. (M. Gl.)

Пьянство

В русской культуре пьянство связывается с поиском страдания („Стрдания ишу, а не радости!“ – Мармеладов в *Преступлении и наказании* → Ф. Достоевского). Пьяный, как → юридический, вызывает жалость, а не осуждение. Для русского менталитета характерно осмысление пьянства как условия духовного подъема и решения экзистенциальных вопросов. „И вот тут-то кончается водка. И нужно и немедленно – достать, так как самое важ-

опарты на przesadnie optymistycznym założeniu o plastyczności natury ludzkiej, znajdującej możliwości pełnego rozwoju w ustroju socjalistycznym. Filozofia marksistowska i fizjologiczny kierunek badań miały zdecydowanie destrukcyjny wpływ na formowanie się związków psychologii rosyjskiej z nieeksperymentalnymi kierunkami w psychologii. Rosja nie przeżyła rewolucji psychoterapeutycznej, wbrew opiniom apologetów rosyjskiej nauki nie stworzyła też syntezy psychologicznej. Nie mogła jej dokonać, gdyż w wyniku izolacji od niemarksiowskich kierunków w psychologii nie wykształcił niezbędnego języka do takiej syntezy.

Należy jednak pamiętać i o tym, że źródła psychologii rosyjskiej są często, wbrew deklaracjom ideowym, dość podobne do zachodnich (silne wpływy fizjologii, behawiorystyczny program Bachtieriewa, obiektywna metodologia). Jednocześnie ogromny potencjał intelektualny psychologów rosyjskich lokuje ich daleko na wysokim poziomie.

P. Sz./B. Z.

Pijaństwo

W kulturze rosyjskiej pijaństwo łączy się z poszukiwaniem cierpienia („Cierpienia szukam, nie radości!“ mówi Marmeladów w *Zbrodni i karze* → F. Dostojewskiego → Ф. Достоевский). Pijany, podobnie jak święty szaleniec (→ юридический), wywołuje litość, a nie potępienie. Rosyjską mentalność cechuje pojmowanie pijaństwa jako warunku rozwoju duchowego i rozwiązywania problemów egzysten-cyjnych jednostki. W. Niekrasow pisał: „Lecz oto zabrakło wódki. Trzeba, i

development of the problem motivations, as well. As a result Russian speculative image of the overly optimistic sticity of human nature of the socialist philosophy and the physical research had, undoubtedly, a destructive influence upon the formation of the link between Russian psychological and non-experimental methods. The Russian psychological revolution did not and, contrary to the claims of Russian specialists, synthesis was not possible 'for in the absence of non-Marxist sources of the language necessary for this synthesis etc.

It follows to this day from the sources of Russian thought the ideological similarity to those of the influence of physiology and behaviorist program (ogy). At the same time the potential of Russian psychologists meant that their o-

Drunkennes

Drunkennes is connected with the search for suffering, as in Dostoevskii's → Ф. Достоевский the fool in Christ evokes compassion. The Russian view of drunkenness as a condition of spiritual ascent and the solution of existential problems comes to an en-

ное еще не сказано. Самое сложное не открыто, самое трогательное не выдано еще слезу" (В. Некрасов). Поэтом именно в русской культуре могла родиться игра двузначностью слова *spiritus* (спирт и дух). Особенно непосредственно раскрывается связь между духом и телом, искушается связь между Пьянистом в творчестве В. Ерофеева. Убежищем в мире Ерофеева является "Пьянство, возможно забыть действие влечения" (С. Гейсер-Шинтман), смертоносным актом (если иметь в виду А. Синявский подчеркивает значение алкоголя для русского человека, сравнивая бутылку с любимой: "Не от нужды и не от горя пьет русский человек, а от исконного стремления к чудотворному и исключительному, пьет мистично, стремясь вывести русскую душу из земного равновесия и вернуть ее в блаженное бестелесное состояние. Водка — это белая магия для русского мушкетера, се он предпочитает решительно черной магии — женскому полу. Бабник, любовник принимает образ иностранца, немца (черт у Н. Гоголя), француза, жида (черт у Н. Гоголя), бутылки дестилированной откажемся от каждой красавицы").

Следовательно, пьянство в русской культуре ассоциируется с: "убежищем", "поиском страдания", "объектом мистического влечения", "объектом решения экзистенциальных вопросов", "богатерской выдержкой", "неудержимостью", "объектом страсти (почти эротической)".

D. Cz.

Раскол

Раскол в Русской Православной Церкви в XVII в. разделил православных христиан на сторонников и про-

Raskol

Raskol (rozłam) w Rosyjskim Kościele Prawosławnym w XVII w. podzielił chrześcijan prawosławnych na zwolenn-

D. Cz. (S. G.)

Raskol

Raskol — history

natychmiast, ją zdobyć, ponieważ najwa-
 niejsze nie zostało jeszcze powiedziane.
 Najbardziej skomplikowane sprawy nie
 zostały rozwikłane, największe tajemnice
 nie uchylone, to, co najbardziej tajemnicze
 i najcięższe nie wyszło na światło dzienne
 i jasność, jeszcze nie wyszło na światło dzienne.
 W kulturze rosyjskiej mogła zrodzić się
 dwaznaczność słowa *spiritus* (spir-
 itus) w związku duchowości i wyrażenia
 z rzeczywistością W. Jerofiejewa. Pijaństwo jawi
 się niej jako azył, możliwość zapomnie-
 cia „przedmiot mistyczny” (jeśli wziąć pod uwagę śmiertelne
 alkohole).

ininiawski z kolej podkreśla zna-
 czenie z ukochną dla Rosjanina, porównu-
 jący Rosjanin pije, lecz z potrzeby i
 dążenia do cudowności i wy-
 wadza duszę z ziemskiej równo-
 wagi, jej błogosławiony stan
 i. Wódka jest dla rosyjskiej
 magią, on stawia ją ponad
 – ponad pięć żeńską. Ko-
 nca (diabeł u M. Gogola).
 Natomiast my – Rosjanie
 stylatu zrezygnujemy z

o kulturze rosyjskiej z
 wa trwałe kojarzą się:
 „poszukiwanie ciet-
 popędów mistycz-
 związania problemów
 heroiczna siła woli”
 obiekt (niemal ero-

D. Cz. (S. G.)

yskim Kościele
 w, podzielił
 na zwolenni-

Raskol

Raskol was an important and simulta-
 neously a characteristic phenomenon in
 the history of Russian Christianity. Initia-

and with it, that it's brought, for the
 most important of all has yet to be said.
 The most complex is not unravelled, the
 most secret unrevealed, the most touching
 has yet to move to tears.' (V. Nekrasov).
 Therefore it is in Russian culture that the
 spirit could have come about. Especially
 and play on the ambiguity of *spiritus*
 direct is the linkage between spirituality,
 refined culture and alcohol in the works of
 I. Erufejev. Drunkenness in the works of
 Erufejev is refuge, the possibility to forget
 reality, 'the object of mystical tendencies'
 S. Geiser-Shnitman), a heroic deed (if
 one hears in mind the deadly alcoholic
 rituals).

A. Sinyavskii in turn emphasizes the sig-
 nificance of alcohol for Russian man,
 comparing the bottle with the loved one:
 'Not out of need, nor grief does the Rus-
 sian drink, but from an immemorial desire
 for dramaturgy and originality, he drinks
 spiritually, attempting to break his soul
 free from the earth's equilibrium and re-
 turning it to a blissful incorporeal state.
 The peasant, he decidedly prefers to the Russian
 woman, she is white magic to the Russian
 peasant, he decidedly prefers it to the
 black magic of the female sex. A woman-
 singer, a German (the devil in N. Gogol),
 Frachman, Jew. While we Russians, will,
 be a bottle of the hard stuff, turn down
 every beauty.'

Accordingly drunkenness in Russian
 culture is associated with: 'refuge,'
 'search for suffering,' 'the object of mys-
 tical tendency,' 'the condition for the re-
 solution of existential questions,' 'heroical
 strength of mind,' 'unrestrainability,' 'the
 object of passion (almost erotic).'

D. Cz. (G. T.)

Raskol

Anderson V., *Staroobryd-
 cтво и сектанство*, С.-Петербург 1908.

Довгань В., *Книга о пиве*,
 Смоленск 1995.
 Достоевский Ф., *Преступле-
 ние и наказание* (1866).
 Ерофеев В., *Москва-Петушки*
 (1969).

Некрасов В., *Записки зеваки*,
 „Континент” 1975, № 4.
 Мирошниченко Л., *Энцик-
 лопедия алкоголя: Великие люди, Исто-
 рия, Культура*, Москва 1998.
 Плудер-Сарно А., *Не надо
 смешивать портвейн с хересом. Рус-
 ский быт в комментариях к поэме Ве-
 та. Ex libris НГ” 11.02.1999.*

Похлабкин В., *История вод-
 ки, Новосибирск 1994* [Москва 1997].
 Прыжков И., *История кабаков
 и цыганства, кабачества и кликушества*,
 Москва 1997.

Романов С., *История русской
 водки*, Москва 1998.
 Рубинштейн Л., *Веселые Ру-
 си*, „Итоги” 1998, № 1.

Тимофеев М., *Русская водка;
 путь по-русски (русское пьянство как
 социокультурный феномен)*, II Россия,
 Иваново 2000.
 Christian D., *Living Water,
 Vodka and Russian Society on the Eve of
 Emancipation*, Oxford 1990.

Klimowicz T., *Alkohol, II
 współczesnej literaturze rosyjskiej i jej
 okolicach (1917-1996)*, Wrocław 1996.
 Przebinda G., *Jerofiejew Wie-
 niedikt Wasiljewicz, II Kto jest kim w Rosji
 po 1917 roku*, Kraków 2000.

D. Cz./B. Sz.